

Национальный и региональный контекст

**ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В СОЦИОЛОГИИ И ВРЕМЕННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР
В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Л.Д. Гудков

Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

В своем понимании социального и культурного времени я отталкиваюсь от И. Канта, утверждавшего, что время – это априорное условие предметных созерцаний, определяющее «порядок последовательных представлений»¹, и определяю «время как последовательность социальных действий индивида, порядок последовательных взаимодействий индивида с другими, ожидаемую или предполагаемую частоту или вероятность взаимодействий индивида с другими акторами, чья принадлежность к социальным группам или институтам оказывается значимой для самой этой последовательности действий. Другими словами, в качестве таксономических единиц или меры времени принимаются *разные типы социального действия*, выступающие в качестве средств согласования и сопоставления одних действий с другими, выстраивания порядка их приоритетности (иерархичности) или организации их последовательности.² Специфика времени зависит от того, какое социальное действие принимается в качестве *нормы* времени, какие конвенции устанавливаются (или навязываются, а также – кем) в отношении подобного порядка согласования социальных взаимодействий, какова структура действия, маркирующего этот порядок.

В крайне редких для нас исследованиях времени (культурологов, историков, социологов) внимание в первую очередь обращают на частоту повторения однотипных форм социального действия (взаимодействия), тогда как организация более сложных, агрегированных форм согласования действий, повторяющихся временных порядков, социальных «ритмов», определяющих циклы кол-

¹ Кант И. Собрание сочинений в 6 томах. Т.3.М., 1964, с.135-139.

² См. работы Ю.А. Левады: К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата). – В кн.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993, с. 39-49 и 50-60. См. также: Гудков Л., Левинсон А. Вещь глазами социолога // Декоративное искусство, 1987, No.7, с.14-18.

лективной жизни, обычно остается на втором плане. «Убыстрение» или «замедление» социального времени означает усложнение, или напротив, упрощение, примитивизацию социальной структуры взаимодействия, соединяемых «временем» функционально разнородных типов действия.

Автономизация систем времени (и все большее подчинение им поведения масс) становится производной от усложняющихся форм социальной организации, прежде всего – процессов структурно-функциональной дифференциации. Чем интенсивнее идут процессы отделения места (и времени) работы от дома, домашних занятий и представлений, семьи и систем родства от других типов общностей – социальной стратификации от владения, структур господства от религиозных институтов, тем выше степень значимости медиаторных структур – соизмерения, согласования, коммуникаций, интеграции, общей социализации и проч. Структурная дифференциация (усложнение морфологии общества) предполагает передачу социальных функций от традиционного института к целому ряду других институтов, становящихся «специализированными» и «современными». Например, обучение и социализация, забота о пожилых, лечение, производство и другие виды деятельности в современных обществах все в большей степени передаются специализированным учреждениям, руководствующимся собственной логикой и подчиненных собственным норм регуляции).

Умножение типов социального времени в этом ряду сопряжено с увеличением диапазона социальных перемещений (горизонтальной или вертикальной мобильности), появлением досуга и его усложнением, участием в разнообразных формах социальной жизни – экономической, политической, общественной, любительской и т.п. Другими словами, структура времени отражает степень «обобществления» (*die Vergesellschaftung*), как говорили немецкие социологи и социальные философы, уровень институциональной автономии в данном обществе, Чем сложнее структура общества, тем в большей степени индивиды, составляющие это «общество», эмансипируются от принадлежности к каждому кругу социального взаимодействия, к отдельной социальной группе или институту, тем в большей степени отдельный человек принуждается быть распорядителем собственного «социального времени», определять его порядок в соответствии со своими приоритетами и действиями. И, напротив, чем проще (а чаще всего это означает – тем архаичнее) социальная структура (групповая и институциональная морфология), тем более жестким и принудительным является порядок социального взаимодействия. Предельным случаем почти полностью тотальной, а потому самой примитивной организации времени в современности (в XX веке) оказывается концлагерь – нацистский лагерь уничтожения или ГУ-ЛАГ, даже не армия, хотя и она, особенно в советско-российском варианте массовой мобилизационной армии, всеобщей обязательной службы по призыву, являет собой образец современного крепостного состояния человека, не имеющего свободного, или очень ограниченного в своем «личном» времени. Как и в

традиционном социуме, в концлагере нет необходимости в часах (как механическом средстве внутренней, субъективной синхронизации ритмов социальной деятельности), весь порядок отношений регламентирован «извне», спектр наказаний не широк и предельно репрессивен.

Следовательно, первым, наиболее значимым в социологическом плане критерием различения типов времени будет установление того, кем или как задается порядок времени – кто определяет последовательность действий, будет это предписанный извне порядок действия или субъективно устанавливаемый самим действующим. Держателем времени (как и хозяином пространства) является тот (те), кто «делает время», кто определяет и задает (предписывает) общий последовательный порядок массовых социальных взаимодействий, опираясь на традиционные системы представлений и регуляций или нормативные санкции, включая репрессивные инструменты. Спектр последних может быть также очень широк – от сталинских законов 1930-40-х годов об уголовном наказании за опоздания на работу или запрете перехода с одного места работы на другое, до введения комендантского часа или опосредованных форм регуляции сложных форм действия через контроль над собственностью, допуск к образованию, прописку, запреты абортот или введение запретительных налогов на ЛПХ, определении порядка выезда за границу и т.п. Если схематически представить институты и влиятельные группы, задающие типы времени, то можно выделить два полярных типа инстанций времени. В зависимости от характера общественного устройства, здесь могут доминировать либо слабо дифференцированные властно-государственные институты (традиционный и не меняющийся в обозримые эпохи социум, «император», церковь, жречество, патерналистское или тоталитарное государство), либо «общество» («город»), представленное системой дифференцированных, а значит – относительно автономных институтов, функционально взаимосвязанных друг с другом и подчиняющихся представительным органам власти и управления.³ Если брать только современные формы директивной временной организации, то в первом случае мы имеем централизованное управление, плановую распределительную экономику, производство, подчиненное задачам руководства сверхдержавы и ориентированное на интересы власти, армии, управления пространством, контролируемого силовыми ведомствами, типовую школу, единую транспортную сеть, отвечающую представлениям власти о необходимости и достаточности коммуникативной системы в стране. Во втором случае мы имеем дело с резким увеличением числа относительно независимых («эмансипированных») субъектов действия, руководствующихся собственными интересами и своими частными или групповыми мотивами действия, а значит, выбирающих по своему усмотрению партнеров и устанавливающих собственные сроки и параметры взаимо-

³ Поскольку для наших задач – изучения посттоталитарных трансформаций – собственно традиционные институты не так важны (они служат лишь в качестве крайних значений шкалы различных типов организации «домодерность-модерность»), то мы принимаем во внимание, прежде всего советский и постсоветский тип организации времени.

действия, хотя и принимающих во внимание общие временные ритмы и размерности. Однако состояние «автономизации времени» возможно лишь при условии существования целого ряда системных институциональных образований – права, защищающего обывателя от государства или могущественных корпораций, свободной экономики, публичности, представленной интеллектуалами и моральными авторитетами, а главное – независимого, самостоятельного индивида, специфического формирования современной личности, являющейся продуктом длительной культурной эволюции. Разумеется, это лишь экстремальные значения на континууме типологической шкалы форм управления временем. В реальности мы сталкиваемся с множеством переходных и смешанных форм и их сочетанием. Но аналитически это полезно различать, делая крайние формы условиями генерализованного описания или идеальными, предельными моделями при сопоставлении анализируемых явлений.

«Линейное», или «физическое», «объективное», направленное из прошлого в будущее, измеряемое равномерными отрезками «пустой», «внесобытийной» или «формальной» шкалы – самая поздняя форма универсального времени. Антропологической основой его следует считать схему целерационального действия, а значит «человека», главной характеристикой которого является не *смыслополагание*, а способности к калькуляции «цель-средства», «достижение-издержки», учет побочных последствий, короче, известную степень обладания навыками инструментального рационализма, установка на отношение к себе и другому как к орудию, предмету, средству. Его распространение (но не возникновение!) соответствует периоду утверждения эпохи европейской «культуры», Просвещения, веры в прогресс, в образование, а позднее – эпохи модерности. Авторитет носителей этой культуры – предпринимателей, инженеров, банкиров, ученых – оказался настолько высок, что образцы их идентичности (благодаря «реальному» образованию и школьной социализации) стали отождествляться с самой «современностью», а присущие им формы организации времени стали представляться «естественными» формами времени, «изначальными» или исходными для понимания природы времени. При этом во внимание не принимается тот очевидный факт, что сферы действия этих институциональных сфер – рационального предпринимательства, техники, универсальных коммуникаций и т.п. – весьма ограничены и охватывают узкие, хотя и быстро растущие группы специалистов. (Здесь можно говорить об обычной ошибке или иллюзии уподобления универсальности – всеобщности).

Линейное время такой же (гомологичный) продукт эпохи протомодерности, как и другие универсальные системы координат и техники измерения: я имею в виду линейную перспективу в живописи, идею универсальной истории человечества или всемирной литературы, философской категории «родовой сущности человека», систему широт и меридианов, понятие метода в позитивной науке, позитивного формального права, представительскую форму правления (демократию), метрическую систему мер и весов, кантовскую философию

разума и морали, распространение почты и других всеобщих транспортных коммуникаций (железных дорог, морского и наземного регулярного сообщения вплоть до интернета), всеобщего образования, массовой призывной и мобилизационной армии, СМИ, индустриальной технологии и основанной на ней свободной рыночной, то есть капиталистической экономики и других институциональных форм. С социологической точки зрения здесь важна в первую очередь социальная (ролевая, нормативная, институционально четко закрепленная) определенность партнеров взаимодействия, хотя в персональном плане это взаимодействие может иметь формально-анонимный характер. Никто не интересуется личностью кассира, продающего билеты на поезд или пилота, ведущего пассажирский самолет, но мы уверены в том, что институционально структурированное поведение всех служащих в этих сферах соответствует их ожидаемой компетенции, а это, в свою очередь, позволяет неопределенному множеству действующих планировать свои действия, принимая во внимание расчетное время полета. Легитимность этих новых институциональных форм была настолько сильна для относительно образованных групп, составлявших то, что мы называем «общество», что они подчинили себе более ранние и архаические формы времени и организации социального поведения, вытеснили их на периферию социальной жизни и изменили в значительной степени их функцию, хотя, конечно, и не уничтожили совсем.

Напротив, самые высокие для нас ценностные значения коллективной жизни и смыслы группового или институционального поведения мы можем выразить только в языке архаических форм, в том числе – и форм времени (циклического, литургического, мифологического, времени обетования и т.п.), но ни как не линейного времени. Такова роль праздников и ритуалов (семейных, государственных, общественных), имеющих порядок циклического времени (а соответственно, очень стертую или вырожденную структуру аграрных праздников – похорон и воскрешения, с их элементами особой атмосферы, особой еды, поведения, праздничного переворачивания повседневных правил поведения). Их смысл («память» о них) предполагает такие формы действия, которые могут быть реализованы через апелляцию к прошлому (литургическое или ретроориентированное время), к «начальному времени» или, напротив, к желаемому состоянию, ко времени испытаний, а значит – выражены в категориях надежды, жертвы, спасения, избавления и т.п.

Эти слабо рационализированные формы действия не просто не имеют признаков цели, ценностей, средств действия, но, как раз их «нерациональность» является условием их функциональной значимости и семантического «богатства» и разнообразия нашего социального мира. Они могут быть выражены только косвенно, через соответствующий язык нецелевых состояний: иллюзий, угрозы, чуда, бедствия, магии, призывов к вождю или спасителю, через противопоставления состояний экстраординарности и повседневности, страха и веры. Действия, в структуру которых входят элементы ожиданий и избегания опасно-

сти, тревоги, заботы, отчаяния и апатии и т.п., либо включают мифологические понятия (и времена), либо структуры секуляризованного времени мечтаний, грез (dreams), желаний, которые сами по себе представляет радикалы прежних мифологических воззрений и магических процедур, без которых оказываются незначимыми способы идентификации, психологической защиты, переноса реальности, воображения, поиск желаемого и т.п. Все они допускают (или даже требуют) трикстерных посещений «верхнего» и «нижнего» мира, помощь «чудесных помощников» или обратное течение времени, как в платоновском мифе о том, что люди рождаются стариками и постепенно молодеют, пока не становятся бессмысленными младенцами и исчезают.

Универсальное время может возникнуть только в границах современного общества или синхронизации действий с ним. А это значит – наличие многообразных и дифференцированных социальных институтов и сложнейшей групповой структуры, координируемых универсальными формами синхронизации времени. Линейное или универсальное время создает иллюзию охвата всех прочих форм организации времени, потенциальной возможности их синхронизации на чисто условной, формальной шкале бессобытийного, бескачественного порядка, допускающего любые действия и взаимодействия (по масштабу, протяженности, конструкции представлений, вектору направленности событий и т.п.). Но это не более чем один из распространенных предрассудков современной эпохи, заблуждения массового технического сознания, такой же, как экономический или технологический детерминизм, «законы истории», расизм, мальтузианство и подобные идеологемы, в которые превратились отработанные или неудачные научные гипотезы предшествующих периодов развития.

Воспроизводящийся социальный порядок взаимодействий в современном постиндустриальном обществе предполагает всеобщие шкалы социального времени, релятивизируя тем самым проблематику социального времени отдельных групп и институтов. Но релятивизм этого рода – не содержательный, а методический: он требует принимать во внимания субъективно полагаемые самим действующим смыслом действия (своего и своего партнера или третьих лиц) и их сочетания и последовательные порядки согласования. Возможно существование едва, полу – или недомодернизированных обществ, *некоторые* институты которых (при исключении всех остальных) функционируют в режиме универсального времени (таковы были при Сталине шарашки, НИИ и КБ, связанные с военным производством или разработкой атомного оружия, разведка и другие, выпадавшие из общего режима закрытого социума, имевшие доступ к мировым каналам информации). Но сохранять подобный режим закрытости на протяжении долгого времени невозможно, поскольку такое состояние означает отсутствие стагнации общества, экономики, науки, армии или их деградацию.⁴

⁴ Выход из режима закрытого общества тоже происходит «не вдруг», не «революционным путем», а постепенным расширением круга допущенных к информационным каналам: рано или поздно ослабляется режим спецхрана в крупнейших библиотеках, а сами библиотеки классифицируются по ступеням доступа: то, что закрыто в ГБЛ и тем более – в областных или университетских библиотеках, то может находиться в открытом до-

Распространение (в России) линейного (а тем более – универсального) времени и соответствующих социальных и культурных форм сознания и поведения, – дело самого недавнего прошлого. Конечно, в монастырях и центрах церковной жизни были свои системы счета времени и организации литургического времени, но они не были «рациональными» (то есть формальными – продолжительность «временных частей», «служб», «часов», была различной в течении суток, тем более это относилось к календарю), но, как правило, они не оказывали прямого влияния на порядок организации жизни вне своих пределов.⁵ Механические часы (напольные) в частном домашнем обиходе в России, в отличие от Западной Европы, появились лишь при Алексее Михайловиче, то есть в конце XVII века, когда в Европе давно уже производились часы для персонального пользования. Даже городские механические башенные часы в Москве, в сравнении с западноевропейскими городами, запоздали на два-три века.⁶ За исключением тончайшего слоя урбанистической культуры в императорской России, носителями которой была аристократия, служилое дворянство, чиновничество, купечество, промышленники, представленной не только в немногочисленных городах, но и усадебным образом жизни, средства измерения времени, как и сознание сложности самой структуры времени, отсутствовали. Поэтому, можно сказать, что идея сложного времени – актуального, прошлого, будущего, «параллельного» (или синхронного), тем более – идея универсальной истории (в которой отечественная история составляет лишь часть

ступе ИНИОН, увеличивается выезд за границу, чтение на языках и т.п. О цене этой закрытости (задержках во времени) мы можем пока лишь догадываться, судя по той степени интеллектуальной неразвитости или ограниченности, некомпетентности российских элит, оказавшихся неготовыми к социальной модернизации страны, что с такой силой проявилось в 1990-е годы и позже. Об «отсталости» основной части населения России в сравнении даже с обществами других восточноевропейских стран, таких как Чехия, Польша, Словения, можно судить по быстрой «возвращенности» на более низкий уровень культурного и социального развития, о чем свидетельствует «выход на поверхность» традиционалистских стереотипов, социальных предрассудков, комплексов национальной неполноценности и фобий.

⁵ Теологическая проблематика времени (календаря) – отдельная захватывающая тема исследований. Историки знают, как тормозило развитие финансово-денежной системы в Европе представление о содержательности времени, оборачивающееся запретом католической церкви на ростовщичество, на взимание процентов со ссудного капитала (они понимались как операции со временем, то есть с тем, что не принадлежит людям, а лишь одному Богу). Но этот запрет не распространялся на тех, кто сам непосредственно участвовал в торговых компаниях, дальних путешествиях и вкладывал не только свои деньги, но и собственные труды в подобные акции, а также – на иноверцев, в частности, евреев. Точно также, сопротивление, оказываемое руководством нынешней православной церкви переходу на современный календарь, идентичный тому, которым пользуется католическая церковь и некоторые другие автокефальные православные церкви, при всей очевидной социальной и политической необходимости этого, нелепости и многих неудобствах старого календаря в современных условиях, хотя бы отчасти объясняется тем, что этот переход потребует упразднения целых 14 святых, почитание которых приходится на эти дни.

⁶ Первые механические часы в Европе сделаны в 996 году в Магдебурге, первые башенные часы установлены в Вестминстере в 1228 г., первые городские башенные механические часы – в Милане в 1335 г. «Нюрнбергские яйца» (карманные часы) делались П.Хенлайном с 1480 г. до 1511 года. Появление собственно часовых мастерских относится к середине 16-века (1544 г., г.Блуа, Франция), а с 1574 г. начали выпускать (вскоре даже уже плоские карманные часы с балансом) женеvские мастерские Ш.Кюзена.

Хотя некоторые летописные сведения дают основание говорить историкам, что в Москве уже в начале 15 века «часы» отбивались колокольным звоном, но документально существование механических часов подтверждено лишь с 1539 года (в Соловецком монастыре) и примерно с этого же времени в Москве на Спасской башне Кремля (не ранее 1500-х и не позднее 1580-х годов).

всего целого) начинает усваиваться обществом лишь с появлением массовых социализационных институтов: высшего общедоступного (не сословного) образования, средней школы, СМИ, всеобщей армии по призыву (внутри которой работают кстати военные школы), развитой транспортной системы (железных дорог), а также – практики тотальной индустриальной войны – первой мировой войны. Величина групп, пользовавшихся часами (и соответственно, имевшего какое-то подобие о линейном времени) в конце XIX века – начале XX века в России не превышала 1-2% населения, но и этот тонкий, хотя и быстро растущий вплоть до начала Первой мировой войны слой урбанистической культуры был «уполовинен» к середине 20-х годов из-за гибели людей во время войн, репрессий и эмиграции.

Вопреки кажущемуся хаосу размерностей, следующему за такой посылкой («время – последовательный порядок социальных действий»), для социолога типы времени (как и другие типы устойчивых взаимодействий в обществе) не представляют собой бесконечного многообразия. Как и другие социальные формы, временные размерности взаимодействия обусловлены коллективными формами регуляции поведения, а это значит, что время может быть сведено к упорядоченным институциональным, групповым (больших или малых групп) или конвенциональным формам определения взаимодействия (включая и традиционные или архаические, магические формы, обрядоверие и т.п.). «Прошлое как прошедшее, отдаленное от текущих событий, представляется полем каких-то упорядоченных, значимых событий, действий, переживаний и т.д.; социальные силы здесь не просто взаимодействуют, но исполняют определенные ролевые функции <...> Но и в социальном восприятии «поля» будущего по определению отсутствуют современные проблемы, человеческие тревоги, поиски, конфликты и пр. Причем это относится как к предельно «позитивному» (утопическому, например), так и к предельно «негативному» будущему апокалиптических антиутопий. <...> Массовое воображение тем самым заставляет конструируемое им будущее решать «вечные» проблемы прошлого, т.е. проблемы, отнесенные к структурам прошлого. В этом, видимо, основа принципиальной симметричности картин прошлого и будущего, которые можно обнаружить в общественном мнении»⁷

«Отсутствие» времени или «выпадение из времени» («влюбленные часов не наблюдают», состояние культурной или психологической прострации или религиозной медитации) означает лишь то обстоятельство, что в данном взаимодействии нет фиксированного, то есть нормативно определенного, порядка согласования последовательных действий, или, напротив, он настолько жесткий, что не требует специальных, выделенных средств регуляций и определений. Сверхрегламентированный, а потому полностью соответствующий нормативным ожиданиям или традиционным предписаниям порядок последова-

⁷ Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Левада Ю. Ищем человека. М., Новое издательство, 2006, с.62.

тельных действий и взаимодействий, упраздняющий любые ожидаемые – приятные или неприятные, желаемые или нежелаемые, оцениваемые каким-то образом в соответствии со значимыми ценностями – события, выступают как «скука», «неинтересность», «рутина» повседневности («день тянется, а годы скачут»), как утверждают бывшие заключенные концлагерей).

Основная масса повседневных действий протекает в рамках групповых или институциональных *ролевых взаимодействий*, а значит и нормативных определений и характеристик действий: семейных, рабочих, экономических, учебных, дружеских и т.п., или *игровых структур социального действия* – флирта, конфликта, демонстраций, исполнения ритуалов и т.п. Эти формы и типы времени отражают характер социальных проблем настоящего.

Проблематизация времени возникает лишь на стыке разных институтов, там, где обнаруживается, что время в разных институтах – разное (течет по разному, содержательно разное, организовано разными формами действия), но требующее согласования. Предельная дистанция будет помечена разноприродностью времен церкви, выпадающей из актуального социального времени, поскольку РПЦ – радикально реакционное ведомство, или, по своему – армии, с одной стороны, науки или экономики, – с другой. Понятно, что императивы экономики как таковой (в чистом виде, не совсем том, которым является коррумпированная и государственно контролируемая российская экономика) «объективно» требуют дифференциации институтов, развитого права и независимого от исполнительной власти суда, самостоятельного, инициативного и активного, свободного в своем выборе и мобильности индивида. Напротив, нынешняя массовая мобилизационная российская армия страдает непреодолимой раздвоенностью: ее легитимация опирается на мифологию великой державы, милитаризм, героизацию прошлого, это армия закрытого изоляционистского общества-государства, сохраняющегося только в условиях тщательно поддерживаемой умеренной конфронтации с другими странами, но вытекающая из этого бесчеловечность отношений, архаика церемониалов и ритуалов, которые так любят в последние годы опять показывать на ТВ, оборачивается низкой ее боеспособностью, моральной деградацией офицерского состава. Попытки реформы армии, как и других силовых и репрессивных институтов (МВД, судебной системы), на которых держится путинский режим, сам по себе играющий антимодернизационную, консервативную роль, раз за разом разбиваются об интересы корпоративного самосохранения носителей власти. Иначе говоря, их функционирование не просто ориентировано на образцы прошлого, но и представляет собой последовательную архаизацию действия, удержание образцов действия, присущих предшествующим эпохам. Понятно, что интересы разных функциональных подсистем даже в самых архаических институтах (таких как церковь или армия) предполагают ориентацию на разных партнеров (в том числе – на повседневный спрос на их услуги и на реальный сектор экономики, а значит – учет ресурсов различных групп населения), но их согласование с пове-

дением других акторов и их системами действия (времени) подчинено их руководителям, обладающим соответствующим кругозором и моралью. И там, и здесь возникают обновленческие настроения, обусловленные коммуникациями с другими секторами общества или другими обществами, мобильностью, отчасти – сознанием низкой эффективности институтов, необходимости учитывать рост образования населения, явлениями глобализации и т.п., но интересы власти оказываются решающими.

От социального (актуального) времени следует отличать специфические формы временных представлений действий, не связанных с непосредственно взаимодействием (или взаимодействием с мнимыми партнерами). Это могут быть: 1) различные варианты **аттенционального, модального (или субъективного) времени** воспоминания, проектного расчета, переживания, фантазий, мечтаний, воображения, а также 2) различные формы **культурного времени**. Последние представляет собой формы и способы упорядочения (символизации, синхронизации) различных *систем записей времени* или *систем фиксации представлений* социального времени. О них ниже.

Как показали исследования, проведенные Отделом социологии дизайна ВНИИТЭ⁸, начало массовой социализации в СССР (России) к сложным формам времени относится к периоду массового распространения средств измерения времени – появлению карманных, а затем и наручных часов, а именно: к середине 30-х годов, после покупки и запуска в 1930-1931 годах купленных за границей (и сравнительно недорого в условиях мирового кризиса) оборудования заводов по производству часов (1-й и 2-й МЧЗ, производивших вместе до войны от 300 до 500 тысяч карманных часов в год и специальных часов для авиации, автомобилей, морской навигации и других военных нужд). До революции производство часов в России носило кустарный (в том числе – ювелирный) и штучный характер, часы в основном импортировались из Европы или собирались в России из готовых деталей.⁹ Решение сталинского руководства о создании отечественной часовой промышленности (1927 г.) не было обусловлено соображениями культурной политики или социальной благотворительностью, а было принято с учетом необходимости модернизации управления армией и производством, поскольку первые партии часов шли именно для командиров армии и производства. Для основной массы населения – сельских жителей, колхозников, рабочих промышленных предприятий, гулаговской популяции з/к, и других категорий населения, составлявших в общей сложности 90% страны, никакой потребности в достаточно дорогой по тем временам вещицы не

⁸ Социологическое обеспечение дизайн-программы «Часы». Рук. А.Г.Левинсон, исполнители Я.У.Астафьев, А.И.Гражданкин, Л.Д.Гудков. М., ВНИИТЭ, 1984-1985 гг.

⁹ В начале 20-го века домашние часовые мануфактуры в России производили в общем и целом несколько десятков тысяч «ходиков». Попытки создать часовое производство в России, предпринимавшиеся еще при Екатерине II, заканчивались всякий раз крахом, поскольку, видимо, не было соответствующего спроса на относительно недорогую продукцию (спрос же на качественную продукцию покрывался за счет иностранных часов). В 19 веке иностранные фирмы (П.Буре, Г.Мозер) поставляли или собирали часы для армии и железных дорог, но это были ограниченные партии.

было. Для них достаточно было фабричного гудка, рельса на вахте или невыключаемой радиоточки в бараке или коммунальной квартире, самого дешевого и громкого будильника. Время, как и свобода перемещения (мобильность), были предельно лимитированы и искусственно ограничены. Масштабная часовизация взрослого населения (если не считать трофейных часов, привезенных военными из Германии) пошла лишь с середины 1950-х годов, когда один лишь 1-йМЧЗ начал производить более миллиона наручных часов в год, то есть одновременно с увеличением удельного веса людей с высшим образованием (с 0.2% в 1950-х до 2-3% к концу 1960-х годов) и средним специальным образованием (до 5% к 1966 г.), урбанизацией¹⁰, в ходе которой большая часть населения переместилась в города, а также последовавшими изменениями в «ценности человека», потребовавшими новых, более сложных форм индивидуации, в том числе – навыков саморегуляции. Внешне это выразилось в быстром снижении возраста приобщения к часам – все более раним наделением детей собственными ручными часами (с примерно 9-10 класса в 60-е годы до 1-го класса в 80-е годы). Понятно, что это было бы невозможным без резкого снижения ценовой доступности ручных часов к концу 1970-х годов, вызванного их непривычным для советской экономики перепроизводством.¹¹

Последствия этого извне регламентированного режима существования мы фиксируем уже в самом конце советского времени. В 1989 г., судя по первым данным массовых репрезентативных социологических исследований, развертываемых нами во ВЦИОМе, у 70% взрослого населения не обнаруживалось явных признаков планирования времени или рационального самоконтроля времени (табл.1), по крайней мере, это не было как-нибудь специфически акцентировано или выражено¹². Разумеется, эти данные нельзя рассматривать как «описание» реального социального поведения, скорее в опросах фиксируются элементы самодемонстрации или социальные коды взаимодействия, но благодаря им мы можем получить некоторое представление о нормативной значимости и обязательности требований калькуляции времени, о характере целеполагания, о слабости достижительской мотивации и методической организации повседневной жизни, горизонтах запросов и направленности их изменений.

¹⁰ Говоря о переменах в образе жизни большей части населения, вызванных урбанизацией, следует учитывать, что это были в основном небольшие города советского – «фабрично-слободского» – типа, а также то обстоятельство, что «неорганизованная» мобильность в тоталитарном обществе-государстве до 1960-х годов была очень ограничена: государство было тотальным работодателем и контролером. В 1966 г. почти 80% всех занятых в экономике были государственными работниками – рабочими и служащими; оставшимся – «колхозникам» – примерно с этого времени начали выдавать паспорта, что означало вначале слабую, но потом все более высокую вероятность выхода из крепостного состояния.

¹¹ В 1980-х годах в СССР производилось более 50 млн. часов в год, треть из которых шла на экспорт.

¹² Это обстоятельство, видимо, сильно удивило бы какого-нибудь ревностного протестанта 18-го века, скажем, Б.Франклина.

Таблица 1

Планируете ли вы свою жизнь заранее, рассчитываете ли вы свою жизнь или живете как живется?

Суммарные варианты ответов	1989	2008
Обычно я не строю планов на будущее + в моей жизни вряд ли что-то может измениться + затруднились ответить	70	51
Я знаю, что будет со мной в ближайшие год-два, а на большее я не загадываю	17	33
Я полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится + я рассчитал, что добьюсь своей цели через лет через десять	14	16

В % к числу всех опрошенных, N=1500

Последовавшие за крахом советской системы институциональные изменения – реструктуризация экономики, сопровождавшаяся не только сокращением государственного сектора экономики, прежде всего – квалифицированных промышленных рабочих (бывших основой социальной структуры советского общества, ее «среднем классом») и бюджетников), но и увеличением сектора обслуживания и торговли, ростом безработицы и т.п. ослабили связь социального статуса и дохода. Общая социальная неопределенность заставила людей (чаще всего помимо их воли) «вертеться» – искать другие возможности действия, больше рассчитывать на себя, а не государство, калькулировать риски, то есть оперировать своими желаниями и ресурсами, главным образом, в диапазоне среднесрочных целей и задач. Удельный вес ответов о планировании «на год-два» вырос за 20 лет с 17 до 33 % (табл. 1; в другой формулировке вопроса – см. табл.2 – распределение ответов дает несколько иную картину, хотя тренд тот же). Число респондентов, заявляющих о том, что они «сумели воспользоваться открывшимися возможностями», увеличилось в последнее десятилетие с 7% до 12% (с наступлением кризиса 2008 года этот показатель опять упал – график 1). Кризис, казалось бы, должен сокращать дистанцию обзора или будущего, но он, судя по всему, оказывает обратное воздействие: горизонт рассчитываемого будущего раздвигается на полшага-шаг – зона ближайшего или дистанция «обозримого» увеличивается на несколько месяцев, и при этом несколько уменьшается число затруднившихся.

Иначе говоря, абсолютное большинство россиян следует стратегиям пассивной адаптации к текущей ситуации¹³, а не ее изменениям, что предполагало бы другие типы действия (активное целеполагание, рационализацию ресурсов и, как говорят психологи, «сильное Эго»). Поэтому, строго говоря, структура временных соотношений не меняется на протяжении всех лет наблюдения, колебания наблюдаются внутри одного и того же сознания (пределы изменений – в

¹³ Подробнее об этом: Левада Ю. Варианты адаптивного поведения // Левада Ю. Ищем человека. М., Новое издательство, 2006, с.202-212; он же. Человек приспособленный // От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000, с.467-488.

границах 10 пп.). А это значит, что институциональные структуры, в рамках которых живет большая часть российского населения, или совсем не изменилась, или изменилась, но не настолько, чтобы вызвать к жизни другую структуру личности, ценностей и сознания, мотивации действия.

Таблица 2

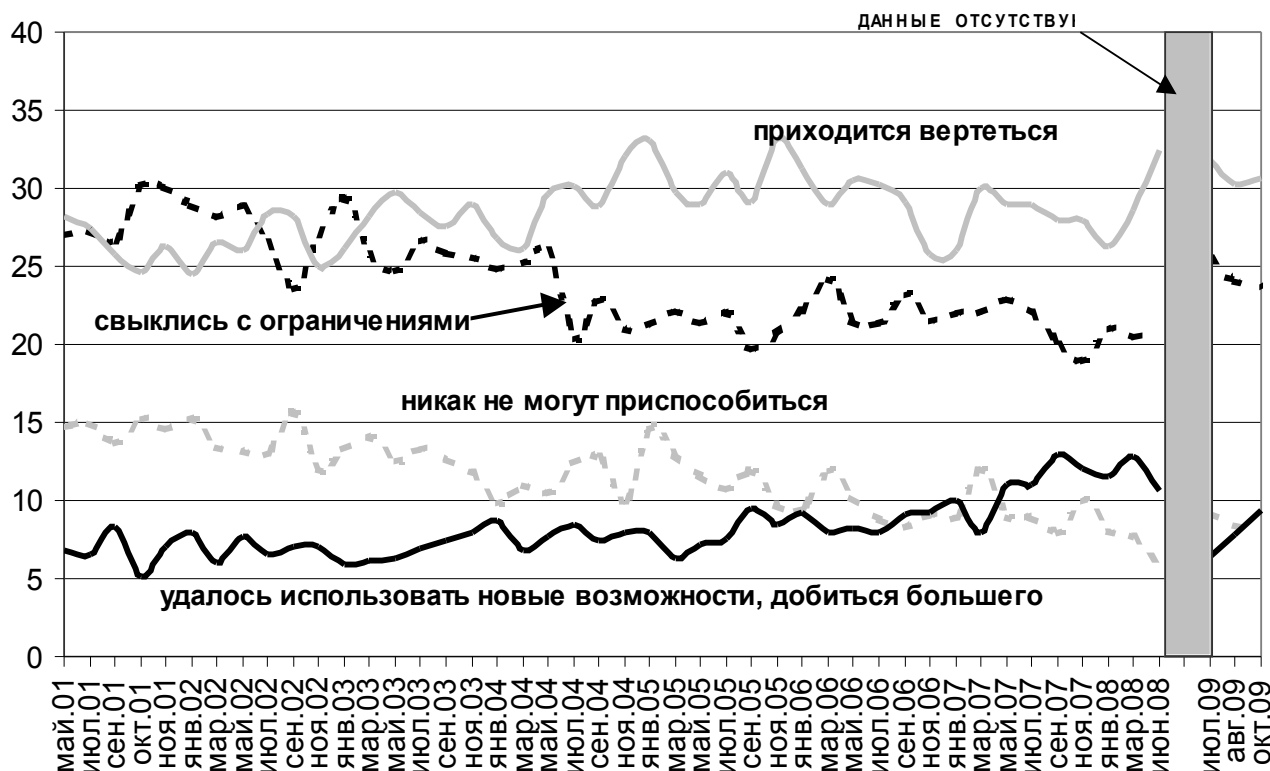
Как Вам кажется, на какой срок Вы в состоянии ясно представить себе будущее своей семьи, если Вы живете один – свое будущее?

	1997 Сентябрь	1998 Сен- тябрь	1999 октябрь	2009 октябрь
Не более чем на один день	17	23	26	13
На ближайшие недели	19	24	21	17
На ближайшие месяцы	25	23	21	25
На один - два года	16	14	15	22
На три - пять лет	5	4	4	10
На шесть - десять лет	2	1	1	2
Более чем на 10 лет	1	2	3	2
Затруднились ответить	15	9	10	8
Сумма ответов «до нескольких недель»	36	47	47	30
Сумма ответов «до года» + з/о	76	79	78	63

N=1600

График 1

Стратегии адаптационного поведения

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Таблица 3

Если говорить об образе жизни Вашей семьи,
какие цели Вы, члены Вашей семьи ставите перед собой?

	1998	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
1. Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования	28	22	18	16	18	15	15	20	21
2. Жить не хуже, чем большинство семей в моем городе, районе	48	55	48	55	50	58	56	55	55
3. Жить лучше, чем большинство семей в моем городе, районе	12	10	17	17	21	15	20	17	16
4. Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	10	13	9	8	8	7	7	6
5. Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе	3	2	3	2	3	2	3	2	2
Сумма ответов «3»+ «4» + «5»	24	22	33	28	32	25	30	26	24

N=1600

В любом случае доля тех, кто заявляет о своих aspirations и о более высоких запросах (что *может* служить индикатором увеличения временного горизонта действия, указанием на объем группы с перспективными ориентациями) не превышает четверти всего населения; достижение дальних стандартов жизни (среднеевропейских или американских) характерно для 8% (максимум!); еще более высокие запросы (что значит либо безответственность респондентов, либо наличие выраженного, современного типа потребителя) обнаруживаются лишь у 2%, образующих зону маргинальности.

Важно подчеркнуть еще один момент: «настоящее» в массовом восприятии россиян окрашено преимущественно негативно, оно – зона и результат перемен, носящих внешний, принудительный характер не желаемых изменений, которые совершаются помимо воли и намерений респондента. От 75 до 50% опрошенных считают, что их жизнь сегодня хуже ожидавшейся ранее. Удельный вес негативных высказываний устойчиво снижается, особенно в два предкризисных электоральных года, что может объясняться, среди прочего, как ростом доходов населения, так и пропагандистской накачкой перед выборами; табл.4). Тем самым, структура временных соответствий оказывается не очень простой: это не просто сравнение «The present» с «Future in the past», а сопоставление такого «актуального настоящего» с представлением о желаемом «будущем в воображаемом или воспоминаемом прошлом», которое *должно было бы быть* «настоящим», но не *стало*.

Таблица 4

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ, НАЧИНАЯ С 1992 ГОДА?

	1999	2002	2005	2007	2008	2009
выиграли	10	20	22	29	36	23
проиграли	74	70	57	41	37	50
затруднились ответить	16	10	21	30	27	27

N=1600

Разочарование от нереализованности желаемого «будущего в прошлом» вызвано не недовольством от собственных действий, их нерезультативностью или неудачами самого индивида, а убеждением в несостоятельности *обещаний* лучшей жизни, неисполнением социальных обязательств властей перед гражданами. (На этом держится легитимность бесконтрольной патерналистской власти). Причем как советской, так постсоветской. Гнев и раздражение людей на новую власть от того, что их надежды и упования на материальное благополучие оказались иллюзиями, гораздо выше, чем недовольство от несостоятельности советской власти. То же самое относится и к горбачевской перестройке, которая «в исторической перспективе» принесла «больше плохого» (так считают

52% опрошенных), чем хорошего, («больше хорошего, чем плохого» – всего 22% и 26% затруднились с ответом на вопрос).

Дело не только в продолжительном снижении жизненного уровня основной массы населения, которое имело место в середине 90-х годов в результате трансформационного спада экономики, но и в возбуждении неоправданных ожиданий, жажды «спасителя», «твердой руки», преобразования повседневной жизни, которые охватили общество в конце 80-х годов после явного развала прежней системы власти.¹⁴ Это не было революцией, поскольку структура представлений массового человека не изменилась, изменился лишь модус или их знак. Но примечательно, что недавнее советское прошлое на какой-то недолгий период (1988-1991 гг.) стало оцениваться резко негативно, как исторический тупик или крах¹⁵, что потянуло за собой потребность в других образах будущего, но они не принялись и скоро в силу разных обстоятельств были вытеснены ностальгией и идеализацией советского времени. Важно, что сама конструкция реальности, включая и временные структуры, не стала другой.

Оборотной стороной такого рода массового патернализма остается социальная инфантильность индивида во всех сферах, кроме сферы частной жизни (зоны «геманшафтных» отношений, внутри которых индивид чувствует свою дееспособность и ответственность перед другими). Усиление авторитарных черт путинского режима могло происходить только при условии восстановления безальтернативности власти, признания ее или терпимости к ней, допускающей ее несменяемость, как это было в советское время, или имитацию смены. Сохранение безответственности обеих сторон оказывается условием воспроизводства надежды на «чудо» (улучшения жизни без каких-либо усилий граждан) и на «национального лидера» (вождя-спасителя) со стороны подданных). Исчезновение политики как сферы массового действия (участия) с начала 2000-х годов привело к стремительному вытеснению коллективных представлений о будущем страны и направлениях политического движения, и замещению их неопределенными «и т.д.». Выборы и политическое участие перестали связываться с перспективой собственного существования и решением проблем повседневности, их заменили процедуры аккламации партии власти и первых лиц.

Доверие к власти или одобрение ее деятельности не связано с прагматическим пониманием того, что она делает или не делает, а с ее символическим авторитетом. Поэтому власть не основана на представительстве различных групп интересов, реализация политических партийных программ, не предполагает какой-либо ответственности за свои действия перед обществом, а значит – не огра-

¹⁴ См. Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях // Левада Ю. Ищем человека. М., Новое издательство, 2006, с.364-379.

¹⁵ Доля подобных суждений о советской истории выросла за эти три года с 7 до 54%, затем медленно опустилась до 30-35%. Именно черная оценка советского прошлого («исторический тупик, когда страна оказалась на обочине цивилизационного развития», «цепь ошибок и преступлений против народа», разорение и нищета народа» и т.п.) позволила на короткое время открыть окно для внимания к другим моделям социального и политического устройства, облегчившим согласие на реформы, но затем стереотипы закрытого общества восстановились у большей части населения.

ничена короткими и обозримыми, подотчетными сроками функционирования, идеей общественного контроля. Власть – символическое воплощение национального целого, коллективной силы, поэтому она предстает в общественном мнении персонифицированной и институционально не дифференцированной, тотальной, главной характеристикой которой оказывается монополия средств принуждения. Отсюда кажется вполне закономерным следствием, что 85% опрошенных считают, что они не могут оказывать влияние на принятие решений в делах, имеющих общее значение (к проблемам района, города, где они живут или страны) или что 90% всех россиян не чувствуют ответственности за происходящее.

Символическое значение власти, ощущаемое членами сообщества, но не могущее быть артикулируемым и рационализируемым в силу традиционных способов воспроизводства этой семантики, заключается в том, что ценности (блага) в обществе распределены не равномерно, а иерархически: полнота всех мыслимых достоинств и добродетелей, а соответственно, и прав или привилегий, сосредоточены «наверху», у обладателей высших социальных статусов (благородного сословия, руководство, начальства), тогда как внизу – лишь «подлый народ», «недееспособное» население, подлежащее управлению и контролю со стороны власти, национальными лидерами, диктаторами, чиновничеством, отстаивающим свои корпоративные интересы как высшие интересы «государства». При отсутствии открытой конкуренции за власть этот порядок может испытывать определенные напряжения, связанные с недовольством массами деятельностью властей. Однако, это недовольство не означает перехода к активным действиям по замене одного состава руководства другим именно в силу традиционного характера отношения к власти, поскольку в этих случаях «бунт» направлен только против исполнителей, конкретных чиновников («главного визиря», а не против «султана»), функция которого заключается в том, что бы воплощать надличный сложившийся или традиционный порядок в мире. Другими словами, под современными формами политического устройства скрываются отношения, характерные для гораздо более ранних эпох, элементы сознания 16-17 века.

С развитием кризиса вновь поднялся курс такой ценности, как «терпение», то есть добровольное согласие с невозможностью влиять на власти в каком-либо отношении. Социальная система отношений приняла черты «здорового консерватизма», или, как сейчас, говорят, «динамического консерватизма» с демонстрацией знаков традиционализма, «национального прошлого» (под которым понимаются главным образом рутинные образцы легитимации имперской власти или советского тоталитарного стиля, оправдание аморализма и безответственности руководства страны, вроде «Сталина в качестве эффективного менеджера»). Поэтому отношение к персонифицированной власти – одобрение первых лиц – становится основой иррационального, то есть не практического, а символического отношения к власти. «Одобрение» деятельности Путина суще-

ственно выше, нежели положительные оценки российского правительства, возглавляемого Путиным: 78% и 54%, соответственно (март 2010 г.). Верят правительству («у него есть программа выхода из кризиса») – лишь 30%, полагают, что «у правительства нет ясного представления, что делать» – 70%. Попытка получить прагматическое восприятие политики правительства вызывает у респондентов чувство растерянности, поскольку люди не в состоянии применить к власти те же критерии, что они применяют к собственному повседневному поведению: на вопрос «справится ли правительство с кризисом или нет?», 31% опрошенных отвечают утвердительно, 24% – не верят в его способности решать сложные задачи управления в ситуации кризиса, но большая часть 45% отвечали – «может быть да, а может быть и нет». Другими словами, архаическое отношение к власти, ее сверхценное значение, обуславливающее понимание ее как силы, конституирующей «общество», владеющей им, «заботящейся» о людях и наставляющей их, оказывается фактором блокировки изменения сознания времени (планирования действия). Принцип (или соблазн) «надежды» суть выражения социальной слабости личности базового типа и отказ от выбора.¹⁶ Психологическая иррациональность в отношении будущего – скрытое ожидание «чуда» – это отражение неразвитости институциональной среды, не подкрепляющей мотивацию действия соответствующими средствами и нормативными ресурсами, невозможность рационального расчета и веры в собственные силы.

Социологи не в состоянии обнаружить сегодня реальные механизмы, способные преобразовать мотивацию надежд (иллюзий) в мотивацию достижения. Нет регистра, который бы переводил восприятия происходящего из мифологической плоскости (соединения повседневности с мифологическими структурами понимания, ожидания, объяснения) в плоскость реальности, в план собственного действия и ответственности. Привычные надежды на лучшую жизнь – это не ресурс власти, а горизонт восприятия происходящего: даже в условиях нынешнего кризиса, большинство надеется на возвращение к эпохе путинской стабильности и благополучия в самое ближайшее время (57% опрошенных верят, что улучшение наступит уже в 2010, 32% – полагают, что кризисная ситуация сохранится еще год-два, и лишь 4% настроены мрачно: они полагают, что ситуация в ближайшее время обязательно ухудшится). Поскольку план коллективных событий никак не контролируется отдельным человеком, он оказывается сферой различного рода мифов, проекций, предрассудков, иллюзий и упований. В таких условиях никакая рационализация и коллективная солидарность взаимодействия, общие акции и планирование целей, оценка характера и издержек их достижения невозможны или возможны в качестве локальных акций протестов. Можно только терпеть и демонстрировать «стойкость» перед лицом трудностей (см. табл. 5).

¹⁶ Левада Ю. Свобода от выбора? // Он же. Ищем человека. С.76-90.

Таблица 5

Как, по Вашему мнению, следует относиться к проблемам, с которыми люди сталкиваются в современной России?

	2006	2007	2009		
	март	октябрь	март	апрель	сентябрь
Проявлять терпение и стойкость, приспосабливаться к обстоятельствам и ждать, пока положение улучшится	21	36	63	50	50
Воспользоваться следующими выборами для смены властей, выбрать из них тех лидеров, которые смогут лучше руководить страной	31	26	13	21	22
Устраивать акции протеста, уличные демонстрации, чтобы заставить власти обратить внимание на нужды и проблемы простых россиян	34	24	15	19	18
Затруднились ответить	14	14	10	11	11

N=1600

У 86% опрошенных нет представлений о том, куда движется страна, или они очень смутные и туманные (декабрь 2009 г.). Колебания в общественных состояниях (представлениях о желаемом состоянии) связаны почти исключительно с действием пропаганды и других мобилизационных механизмов. Если мы посмотрим на график динамики массовых ожиданий («Что Вы ждете от будущего, как Вы считаете, положение дел в политическом плане или в экономике изменится к лучшему, к худшему или не изменится вовсе?»), то мы увидим, что как подъем, так и спады в оценках будущего зависят исключительно от мобилизационного воздействия политтехнологов во время электоральных компаний (график 2; пики «оптимизма» точно повторяют электоральные циклы: 1995-1996, 1999-2000, 2003-2004, 2007-2008), причем политические ожидания «лучшего» всегда чуть-чуть отрываются от экономических, «тянут» их за собой. Именно поэтому электоральная «вздрючка» пробуждает не солидарность и расчет, а вневременные надежды, иллюзии. Этот график показывает отсутствие собственных механизмов инициативы, достижительности, продуктивности, зависимости от властей и их обещаний.

График 2.

Переходя к тематике **культурного времени** я вынужденно оставляю без разбора многие его формы, в том числе – и религиозное время и его типы, конституированные разными смысловыми доминантами: идеей потустороннего спасения, литургии, молитвы, таинства, обряда, морального самоотчета, магии и разнообразных мифологических структур сознания¹⁷. В рамки статьи не могут войти и секулярные конструкции времени – литературное, идеологическое и т.п. Я остановлюсь здесь лишь на некоторых предпосылках исторического сознания времени как условия коллективной идентичности советского человека, национальной идентичности, предполагающей единство веры в реальную или фиктивную общность своего происхождения.

Культурное время (в отличие от социального) лишено идеи или представлений о конкретном субъекте действий и взаимодействия и предназначено для систематического выстраивания последовательных порядков согласования различных типов социального времени. Именно к области культурного времени принадлежат различные виды конструкций истории (построенные в виде исто-

¹⁷ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения, 2009, №2, с.66-85; Гудков Л. Общество с ограниченной вмняемостью // Вестник общественного мнения, 2008, №1, с. с.8-32.

риографий, хроник, различных вариантов наборов *Exempla*, сюжетных нарративов, событийных изложений в определенной содержательной логике, например, творения, расцвета, зрелости и заката культуры, смерти каких-то форм социальных образований и т.п.) или времени социальных процессов (прогрессирующего развития, или его типов – например, модернизационных или глобализационных процессов, информатизации, или напротив, процессов социальной деградации и дегенерации, различные виды финалистских, телеологических процессов – урбанизация, распространение грамотности, интегративные процессы, технологических революций, диссоциаций и ассоциаций, формирование массового общества и проч.). Помимо них, к культурному времени принадлежат разного рода утопии (перспективные и ретроспективные), священные истории (теологические конструкции времени, в основе которых лежит идея спасения или Страшного суда, литургические времена), мифологические конструкции времени и безвременья (начальные состояния «до времени» – «жили-были», «в некотором царстве-государстве». «Once upon a time»).

Формы культурного времени зависят от базовых представлений о социуме и его конструктивной основе, типе действия, которые считаются доминантными в организации данного общества и власти в нем. Соответственно, мы можем говорить о *циклическом* времени (основанном на традиции, традиционном порядке представлений о реальности, структуре и распределении ролей и мало изменяемых механизмах его организации и воспроизводства), *линейном* (наиболее позднем и сложно устроенном, о нем позже), или *истории*, то есть идеологических конструкциях времени – обусловленности настоящего цепочками или логикой событий прошлого, включая и версии «Path dependency».

История в данном отношении не совпадает с тем, что называется «хроники», «историографии», сводящейся к более или менее отрефлексированному перечислению важнейших (для держателей национальной культуры или идеологии) событий, выступающих в виде скрытых причин движения времени. «История» (как содержание времени прошлого в коллективных представлениях) представляет собой относительно систематизированные или упорядоченные массовые проекции на прошлое современного положения вещей, то есть различные версии «происхождения» и «развития» больших коллективов или институтов – государства, «народов», «искусства», «религии», философии, науки, нравов (или для более рафинированных и продвинутых любителей и знатоков – изучение истории идей и отдельных сфер культурной жизни: болезни, морали, стирки, популярной науки, спорта, секса, торговли, великих открытий), которые продвинули «вперед все человечество» или стали существенным вкладом отдельных народов в общий процесс цивилизации человечества. Без каких-либо исторических компонентов невозможны устойчивые структуры массовой идентичности, поскольку они играют роль фиктивного генезиса настоящего положения вещей. Как показывает опыт всех наших исследований, социальные трансформации постсоветских обществ

сопровожаются заметными напряжениями в структуре коллективной идентичности. Об этом свидетельствует усиление массового интереса к прошлому, попытки заново ответить на вопрос: «Кто мы»? «Откуда наши беды?» «Чем нам гордиться, а что, напротив, вызывает стыд?». Социологические исследования показывают устойчивый рост спроса на историческую литературу, связанную с национальным прошлым, будь-то массовая беллетристика, документальная проза или мемуары. Ответом на него оказывается, прежде всего, появление массы историков-любителей и разнообразные версии «подлинных событий», «разгадки истории». Возникают новые национальные мифы и легенды, узаконивающие давность и славу того или иного народа. Предметом гордости являются военные победы в прошлом и величие державы, а стыдятся, главным образом, хронической бедности, неустроенности жизни, грубости нравов, произвола власти и неизбывной забитости населения «великой страны».¹⁸

За право «правильно» интерпретировать прошлое конкурируют самые разные политические силы и группы – от «партий власти» до церкви. Академическая наука в России, несмотря на значительные достижения в последние годы, не в состоянии удовлетворить общественный голод на интерпретации прошлого и рационализировать понимание той ситуации, в которой оказались после краха коммунизма постсоветские страны. Она слишком зависима от государства, а потому, чтобы сохранить пространство своей профессиональной работы, старается казаться аполитичной и всеми силами дистанцируется от актуальных оценок событий и публичных интерпретаций прошлого. Но проблема остается. Сегодня в российском обществе нет тех влиятельных интеллектуальных фигур и моральных авторитетов, мнения которых могли бы влиять на массовое понимание истории. Общество, несмотря на весь свой интерес к истории, оказывается в ступоре перед фатальностью происходящего.

Сознание гетерогенности и сложности систем времени задавалось не только изменением условий жизни, работы и коммуникаций, но и изменениями в характере и уровне преподавания, а также общей грамотностью населения, его элементарной способностью сознавать большое время и удерживать большое число событий, не имеющих отношения к повседневной жизни. Напомню, что институционально-образовательные условия для массовой социализации к сложным формам времени сложились очень поздно. Нормативный уровень всеобщего начального образования (3 класса) был достигнут в СССР только к концу 30-х годов (хотя это означало, что 15-20% взрослого населения оставались функционально неграмотными, принимая во внимание не только российскую глубинку, но и периферию Средней Азии, Казахстана и Кавказа, где фактически советская власть закончила свое формирование к этому времени). Уровень неполной средней школы (7-летнее образование) – к середине 50-х годов или

¹⁸ Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Статья вторая // Вестник общественного мнения, 2010. №1.

чуть позже. И лишь со второй половины 1960-х годов, после принятия решения руководства страны о необходимости всеобщего среднего образования (1963 г.) в жизнь стало вступать поколение, получившее учебники по истории и элементарное представление о всеобщей и отечественной истории. Если учесть, что преподавание предмета «история» в средней школе стало восстанавливаться самое раннее лишь с 1935 года ¹⁹, а фактически массовый выпуск учеников, получивших какое-то представление об исторической схематике событий, пошел уже только после войны, в начале 1950-х годов, поскольку война выкосила и первых учителей истории, и их учеников, то вряд ли стоит удивляться тому, что у старших поколений нынешних россиян массовое историческое сознание (массовая историческая память, сознание большого или длительного времени) начисто отсутствует.

Конечно, партийное руководство формирующегося тоталитарного режима довольно рано (сразу после смерти Ленина) пыталось выстроить генезис своего правления, но этому препятствовала незавершенность процесса формирования системы господства и сама ожесточенная борьба за власть в высшем руководстве страны, незакрепленность в этом пантеоне «места и роли» множества персонажей, объявляемых врагами народа, шпионами и предателями. Театральные и литературные инсценировки отдельных событий, следующие мифотворческой логике сотворения мира, противоборства с врагом рода человеческого, возвеличивания вождей революции и героизации масс ²⁰, имеющие мало общего с реальным ходом событий, начались уже с 1919 года, но долгое время они не складывались в единую и цельную картину истории нового общества, времени и человека. И лишь после московских процессов, после Большого террора 1936-1938 года, окончательно была зафиксирована легенда власти, излагавшая исторический процесс новейшего времени как героическую историю борьбы за власть (борьбы с царским самодержавием) под руководством партии большевиков и строительство «нового общества». Ее каноническим изложением стал сталинский «Краткий курс ВКП(б)» (после смерти Сталина, превратившийся в «Краткий курс истории КПСС»), который подлежал обязательному изучению во всех вузах страны, а в изложении вошел и в школьную программу. Представленная там периодизация и трактовка событий и роли отдельных персонажей стала основой представлений об истории советских людей, она сохраняется вплоть до нынешнего времени. Всякие выходящие за рамки данной конструк-

¹⁹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) об этом было принято в 1934 году, но его реализация затянулась на несколько лет, пока не был подготовлен в вузах необходимый объем выпуска учителей соответствующего профиля и подготовки. После революции оно, как и преподавание философии в университетах, было признано нежелательным и прекращено.

²⁰ Такова была, например, грандиозная постановка «Взятия Зимнего» с участием нескольких тысяч солдат и матросов, применением бронетехники, орудий и спецэффектов, поставленную в 1919 году на Дворцовой площади Н.Евреиновым, эмигрировавшим вскоре после этого из советской России. Его опыт инсценировки использовал С.Эйзенштейн при создании фильма «Октябрь», где, ставшие каноническими, кадры штурма ворот Зимнего дворца позднее на всем протяжении советского времени использовались в качестве документального свидетельства происшедшего в те дни массового взрыва революционного энтузиазма.

ции версии истории подлежали цензуре и суровому осуждению.²¹ Важна была именно сама упрощенная схема истории из «Краткого курса», к которой позднее, уже после войны, во второй половине 1940-х- начале 50-х годов, присоединялись (придельвались) отдельные иллюстративные эпизоды из предшествующей имперской истории: расширение империи, колонизация окраин, милитаризация страны, героизация армии как инструмента национальной консолидации и осуществления политики национального государства как планов мудрой власти и т.п.

Толчками или предпосылками для пробуждения некоторого подобия массового исторического сознания, пусть даже превращенного и мифологизированного, стали осмысление опыта войны, цена потерь и жертв населения, характер руководства страной²², борьба с космополитизмом, критика культа Сталина и первые шаги по десталинизации, начало хрущевских реформ и их свертывание, подавление «Пражской весны», показавшей образованному слою, что социализм как система реформированию не подлежит²³, а также общее ослабление режима закрытости страны, заставившие усомниться в значимости философии советской истории. Критика сталинизма как основа легитимации преемников его власти стала толчком к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений.²⁴ Именно при Хрущеве начинается резкое расширение исторических исследований, происходит реформирование академических институтов (они дифференцируются в соответствии со своим тематическим профилем исследований), основаны новые исторические журналы, оказывающиеся необходимым условием и пособием для подготовки новых учителей истории, а значит – и пересмотра некоторых ее опорных моментов.²⁵

²¹ Так была раскритикована «школа Покровского», и не столько за вульгаризированные марксистские трактовки отечественной истории в духе экономического детерминизма, сколько за «антипатриотизм» и «очернительство русской истории», выразившейся в негативных оценках стратегии централизации русских царей и имперской политики. (Точно за то же подверглась критике вторая часть фильма С.Эйзенштейна «Иван Грозный», где «неправильно трактовались» явления усиления централизации государственной власти и позитивная функция террора и т.п.).

²² Критика сталинизма стала толчком к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений, но последовавшая после свержения Хрущева реакция подавила эти импульсы ревизии истории, по крайней мере, в сфере школьного образования, хотя совсем погасить их было уже невозможным.

²³ См. Гудков Л. Пражская весна 1968 года в общественном мнении России 2008 года // Неприкосновенный запас, 2008, №4 (60), с. 141-151.

²⁴ Ранее не было и не могло быть сколько-нибудь альтернативной или развитой истории и сознания истории, кроме как в тончайшей пленке советской бюрократической элиты, вполне лояльной к власти и лишь слегка задумывающейся о возможностях другой истории (а не реализации ее!). Первые альтернативы истории войны (и характерно, что это были именно альтернативные версии начала войны, а не истории страны), появились и вызвали дискуссию в конце 60-х годов – это была книга участника войны А.М.Некрича «1941, 22 июня» (М., 1965; книга была осуждена партийными органами и изъята из библиотек, автору – д.и.н., с.н.с. сотрудника Института истории АН СССР – дальнейшая научная деятельность была запрещена). Первой альтернативной, более или менее систематической «историей страны» оказался «Архипелаг Гулаг» А.И.Солженицына (вышел на Западе в 1973-1975), постепенно проникавший в Россию, изданный массовым тиражом уже только после перестройки.

²⁵ До революции в середине 19-го века России выходили более десятка специальных периодических научных изданий по истории, хотя и не журналов ("Записки", "Труды", "Известия", "Сборники"), выпускаемых научными обществами и университетами. Собственно исторические журналы появились только в пореформенное время (примерно в то же время, что и их европейские аналоги): ["Русский архив"](#), 1863—1917; ["Русская ста-](#)

Но последовавшая после свержения Хрущева реакция подавила эти импульсы ревизии истории, по крайней мере, в сфере школьного образования, хотя совсем погасить их было уже невозможным.

Отметим вместе с тем, что сами конструкции истории, пусть даже в самом грубом и идеологизированном виде, могли удерживаться в тончайшей пленке людей с высшим образованием, и то не у всех. Профессиональные историки (академическая наука) советского времени, как и любая другая общественная дисциплина, сохраняла свой государственный, сервильный по отношению к власти или обслуживающий характер и не были ориентированы на дискуссию, рационализацию истории и темных мест в ней, массовое просвещение, поскольку не чувствовали никакой профессиональной ответственности и этической сомнительности своего положения. Это же состояние сохраняется и сегодня.

Таким образом, параметры массового отношения к прошлому оказываются возможными только при уже сформировавшихся и институционализированных системах времени, при наличии разных «историй», разных источников исторического знания. Субъективная история, включая сюда и личную память, предполагает «эксцентрический» статус личности в большом времени. Индивид в современном обществе, это значит – со сложно устроенной системой зеркал и идентичностей, принадлежит сразу ко многим общностям и оказывается включенным во множество социальных связей, не будучи поглощенным никакой из них полностью и целиком. В процессе социального взросления (завершения социализации к модерности, что не обязательно должно коррелировать с собственно возрастными фазами, вполне допустимо мыслить подобную социализацию для уже «зрелого» по меркам традиционных сообществ возраста человека, особенно это значимо для стран догоняющей модернизации) возникает дефицит нормативной определенности, становящейся проблемой для личности в ее отношениях с другими. Из этого состояния множества относительно слабых в общем и целом, но весьма значимых по отдельности ценностных ориентаций и

[рина](#), 1870—1918; "Древняя и новая России", 1875—81; ["Исторический вестник"](#), 1880—1917; ["Киевская старина"](#), 1882—1906, "Былое", 1906—07, 1917—26; "Минувшие годы", 1908; ["Голос минувшего"](#), 1913—23, и другие. Исторические журналы, появившиеся с установлением советской власти и закрытия старых изданий, подчинены потребности новых держателей власти в легитимации своего происхождения, что собственно и отражено в их названиях: ["Пролетарская революция"](#) (1921—41, орган комиссии по истории партии при ЦК ВКП(б)), ["Каторга и ссылка"](#) (1921—35, орган Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев), "Красная летопись" (1922—34, 1936—37, и его украинская и грузинская версии; ["Красный архив"](#) (1922—41); ["Архивное дело"](#) (1923—41) и "Архівна справа" (1926—31), "Историк-марксист" (1926—41) и "Борьба классов" (1931—36). Органом Института истории АН СССР, образованного в 1936 году, был "Исторический журнал" (1937—45), переименованный затем в "Вопросы истории". (Характерна смена названий, отражающих постепенный отход от экспансии ортодоксального воинствующего марксизма и выработки единственно верного учения об истории, к усилению «нейтральной», а по существу – великодержавной тематики). Во время хрущевской оттепели и критики культа личности Сталина возникла нужда в новых научных журналах, в том числе и исторических, в 1955—62 созданы журналы "Исторический архив", "Научные доклады высшей школы. Серия «Исторические науки». В 1957 году – "История СССР", "Вопросы истории КПСС", "Новая и новейшая история", в 1959 — "Военно-исторический журнал". Позднее стали издаваться и республиканские исторические журналы, существовавшие при академиях союзных республик (общим число около 25). Они выходили до конца СССР.

ролевых квалификаций, рождается потребность в самоопределении и самоидентичности, переопределении собственного отношения к другим, в том числе – к тем, кто символизирует большие общности и коллективы. История здесь является необходимым компонентом смыслообразования, поскольку она выполняет функции «метода» или способа синтеза «нового» значения, объяснения «генезиса» субъективно полагаемого значения «прошлого», которое и становится основанием самоопределения личности как интегрированной целостности (морального, политического, социально дееспособного и сознающего себя в таком качестве существа) и последующей ориентации в мире. Лишь заново переопределяя для себя, что такое «революция», «ЧК», «сталинские преступления», «холокост», «русский (российский) империализм», как ощущать себя «русским», сознавая все те преступления перед другими народами (внутри империи или в Восточной Европе), которые совершены советским режимом и т.п., человек обретает новую субъективную, независимую от идеологии и государства идентичность. Здесь история является условием социальной и интеллектуальной ответственности и дееспособности индивида, а значит – мерой социальной, политической и моральной вменяемости и дееспособности масс, общества в целом.

За двадцать лет, прошедших с начала перемен в советском обществе, структура исторического сознания изменилась, но изменилась не принципиально (табл.6).

Таблица 6

ЧТО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, СВЯЗЫВАЕТСЯ У ВАС С МЫСЛЬЮ О
НАШЕМ НАРОДЕ (дайте не более трех ответов)

	1989	1994	1999	2003	2008
наше прошлое, наша история	22	37	48	48	43
место, где я родился и вырос	39	41	35	43	39
наша земля, территория, на которой мы живем	11	25	26	32	34
государство, в котором я живу	29	17	19	22	32
язык моего народа	23	19	17	19	23
родная природа	14	18	18	23	17
наши песни, праздники и обычаи	13	17	19	16	14
душевные качества моего народа	13	16	19	15	14
великие люди моей национальности	7	10	14	8	14
наша религия, вера моих предков	4	8	7	8	12
знамя, герб, гимн	5	2	3	4	8
наша военная мощь	2	5	7	8	8
родные могилы, памятники	9	9	7	7	7
наше трудолюбие, умение хозяйствовать	6	6	10	7	6
другое	1	1	0	1	0
затруднились ответить	8	8	4	3	3

Усилился общий тренд традиционализма – апелляция к прошлому, к истории (с 22 до 48% в 1999-2003 гг.) как основе этнонациональной, а не гражданской идентичности, а также – значимость партикуляристских связей, знаков сопричастности к локальному сообществу. После некоторого спада, вновь усилились признаки принадлежности к государству (лукавое осознание себя в качестве государственных людей) – с 29% в 1989 г. этот показатель упал до 17-19% во время ельцинского правления, а затем к 2008 г. восстановился до прежних значений (32%). Универсалистские же, достижительские образцы коллективной самоидентификации практически не изменились (трудолюбие, хозяйствование, экономические признаки благосостояния и индивидуальной гратификации) – те же 6%. Иначе говоря, после периода некоторой турбуленции в характере массовой идентичности, все осталось на своих местах, поскольку институциональные структуры, ответственные за репродукцию и социализацию новых поколений, работают как раньше.